

Юрий МориИллюстрация **Сергея Дергачева**

Неуверенный пользователь

Каких только облаков не бывает! И кучевые, и перистые, похожие на легкую дымку, размазанную по небу зубной щеткой, и грозовые. А еще перламутровые — страшные.

Но это на Земле, там они меняются все время. А здесь висят постоянной ровной пеленой, заслоняя местное светило. Плотные, будто покрывало, серые, мутные.

Здесь — это... Забавно, но имен у этой планеты целых два. Капитан величает Афродитой как раз из-за облачности и воспоминаний о Венере. А вот шутник Вольски обозвал Слюной — из-за блестящих болот, которых здесь навалом. И второе прилипло сразу, а вот богиня любви никак не приживается, хоть тресни. Хотя в рапорт об открытии планеты занесли именно Афродиту — против капитанского мнения не пойдешь.

А так, если сверху смотреть на безжизненные белые пятна, Слюна, конечно. Мертвая вода с каменной взвесью, ничего более. Точнее и не назвать.

— Герман Сергеевич, дорогой, а вам как кажется? Успеет завтра Скалу пощупать, изучить маленькую? Или лучше сегодня...

Мне-то? Да решительно все равно. Но кивнул, конечно: невежливо оставлять вопросы без минимального ответа. Мол, понимаете, уважаемый, как хотите.

— Хорошо ответил. Емко. — Вольски усмехнулся и пошел дальше по лагерю, выстроенному вокруг посадочной капсулы по всем инструкциям Космофлота: почти правильный круг из тройного заслона с кучей всяких датчиков, приборов и прочего технического добра. И ряд строительных роботов вдоль забора, конечно.

Мой дом — моя крепость, а как же! Это еще сверху полусферу силового поля днем не видно,

она только в темноте светится. В середине наших владений торчит таблетка спускаемого аппарата, рядом — надувные жилые палатки, модуль технической службы, пара хOVERов, кухня и медблок. Все это, разумеется, не в болоте. Кэп выбрал для посадки каменистую гряду на западе самого крупного из трех континентов еще с орбиты. Задал Степанычу программу, но искин лучшего предложить не смог. Глаз-алмаз, как говорится, качаем капитана на руках. Лишь бы не уронить.

— Чего сидишь? Обедать пошли, Гера.

Это уже Эльза, биолог и врач экспедиции. Многословная, но душевная барышня, не то что зубоскал Вольски или слишком уж суровый капитан Бурков. Обедать так обедать. Дело хорошее.

Светило с длинным неудобочитаемым названием из пары строчек кода в звездных атласах, невидимое из-за облаков, пригревало тем не менее от души. Если бы не обед, никуда я бы не пошел: тепло, хорошо, никакой суеты.

— Хорошо на Афродите? — степенно шагая по направлению к камбузу, спросил капитан. Сговорились они, что ли, поговорить им больше не с кем?

Я снова кивнул. Вежливость — дело такое. Важное. Замкнутый коллектив, психологическая разгрузка.

С посадки прошла неделя. Это если земными сутками считать, здесь-то дни раза в полтора длиннее. И ночи, соответственно. За это время рой беспилотников садился только для подзарядки, взмывая серебристыми мухами на все новые и новые поиски. Рулил ими Степаныч с орбиты, из нашего старого доброго «Айсберга-18», так что после установки лагеря на долю непосредственно команды оставалось спать, есть, осмысливать информацию и обращаться ко мне с глупыми вопросами.

Почему глупыми? Да я понятия не имею, успеют ли завтра Вольски с Эльзой изучить хоть что-то на Скале. Или в ней. Если найдут вход — беспилотники-то не обнаружили. Судя по орбитальным снимкам, здоровенная штукавина. Капитан сыпал цифрами, но я, признаться, мало что запомнил. Миллионы тонн, три километра в длину... Или в объёме? А, да что до того! Не мне же там ковыряться.

После обеда капитан разрешил облет окрестных болот. Который раз уже. Даже Степаныч посмеиваться начал, даром что интеллект у него искусственный: нет здесь ничего интересного. Вся планета — или болота, или камень. И не болота это, конечно, скорее, озера. Ямы. Лужи-переростки. Ну, океаны еще, но там с пробами воды тоже беда — жизни нет. Вообще нет.

Самая-то и загадка всей Слюны, что ни единого микроба, не говоря о чем покрупнее. Планета земного типа, гравитация, атмосфера, магнитосфера... Если бы не Скала.

До сих пор не понял, почему Скала, а не, скажем, Пирамида. Но это и не важно. Опять капитанская привилегия называть все через одно место. Скала стоит и словно издевается: геометрически точная восьмигранная пирамида в сорока километрах южнее лагеря, черная как моя жизнь, будто впитывающая любой свет. Если это природный объект, я готов съесть фуражку капитана, даже не запивая. И ничего похожего на Скалу или иные рукотворные объекты на всей Афрослюне больше нет. Вот ведь как.

— Два часа, не больше! Нам еще хOVERы зарядить надо! — крикнул Бурков. Мог бы и не драть глотку, внутренняя связь исправна. Зря, что ли, у нас всех по крови наноботы бегают. — И на юг не соваться! Никакой Скалы, ясно? Сектор поездки — север и северо-восток.

Вольски довольно оскалился под шлемом, покрутил головой; Эльза за спиной заерзала, проверяя крепления, потом воздушный мотоцикл, похожий на гигантскую стрекозу, почти беззвучно взлетел, сделал круг над лагерем и понесся на север, набирая высоту. Силовое поле пропустило беспрепятственно. Надеюсь, и с возвращением проблем не будет.

— Молодежь, — махнул рукой капитан. — Бесятся со скуки, да, Герман Сергеевич? Охламоны.

Я даже кивать не стал. Лень, да и Бурков больше с собой говорил, даром, что вслух. Молодежь... Он их старше лет на пять, не больше, а ворчит почище профессора Ефанова. А уж тот старикан въедливый.

— Кэп, программа на завтра составлена. Объект Скала требует следующих действий экипажа. Первое... — Искин прорезался, сейчас начнет нудить, сыпать параграфами и технической документацией. Пойду-ка посплю, пока Степаныч капитана грузит.

Бурков занялся делом и, внимая искину, замолчал. Громкость общего канала упала до еле слышного бубнения Степаныча и редких ответов командира. Спать. Спа-ать!

Сигнал общей тревоги противный. Словно у вас в голове завелся двигатель древнего образца: визгливый, шумный, то хлопающий разболтанными поршнями, то ноющий сверлом на высоких оборотах. Дрянь, в общем, а не ощущения. Зато игнорировать его не удастся никому.

— Общая тревога, — монотонно повторял Степаныч. — Общая тревога. Потеря связи с членами экипажа.

Я неторопливо слез с постели. Деваться некуда, надо в техблок идти.

В общей сети уже бубнил капитан:

— Штурман Вольски! Врач Линдберг! Вызывает база, вызывает база!

Ага. Учитывая, что ни их, ни пилотирующую систему хOVERа — тупую, как и все транспортные автоматы, но все же надежную — не может найти Степаныч, голосовой вызов самое то. Как в лесу покричать. С указанием должностей.

— Что ж за...

Я зашел в техблок и уселся в свободное кресло. Капитан был взволнован. Да что там — капитан был не в себе! Я его прекрасно понимал: ни на голограмме Слюны, ни на огромной карте окрестностей лагеря — ничего. Ноль отметок. Два человека и хOVER испарились к чертовой бабушке.

— Ответьте базе! Степаныч, запускай глубокое сканирование, метров пять почвы и воды осилишь?

— Да, капитан. Есть, капитан. Почва и водоемы — около трех минут. Радиус?

— Ну, сам подумай, как далеко они могли... Километров сто давай.

— С каменными слоями медленнее будет.

— Ну, ты балбес, что ли? Не в камень же они провалились. Болота шупай, болота! — Бурков снял фуражку и бросил ее на пол. Вытер потный лоб, наклонился над голограммой, словно всматриваясь. Не в себе командир, но и осудить нельзя.

Степаныч где-то высоко над нами скрипел квази-синапсами и щупал, щупал все, до чего могли дотянуться лидары «Айсберга», гравитационные, радио и прочие датчики. Вся мощь современной технологии, не зря же звездолет-разведчик. Пусть и не последней модели, но первые экзопланеты открывали совсем уж на древних аппаратах — и ничего.

— Последний перед исчезновением сигнал хOVERа откуда был? — уточнил капитан.

— Возле Скалы. Метров пятьсот, — немедленно ответил искин. — Точнее...

Вот придурок Вольски! Бурков выразился энергичнее, там что-то было про мать и сложную половую жизнь штурмана.

— Да не надо точнее. Все ясно.

— Сканирование закончено, результат отрицательный.

— Надо думать... — Капитан откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. — Найду — прибью гада. Своими руками.

Степаныч издал невнятный звук из своей богатейшей фонотеки. Вроде как и ответил что-то, а вроде и нет. Мне такому учиться и учиться.

— Вот такая фигня, Герман Сергеевич, — сказал капитан. — Лететь надо туда. Нам с тобой.

Он вскочил с кресла. Минута слабости и растерянности миновала, он снова стал самим собой — уверенным и грозным командиром.

— Степаныч, код «Пиастры». Капитанский доступ.

Шкаф возле входа, который после посадки я уж и не надеялся видеть открытым — атмосфера пригодна и безопасна, биологической угрозы нет, — распахнулся. Оттуда выдвинулся скафандр высшей защиты. Из-под него вынырнул стеллаж, раскрылся книжкой, давая Буркову выбрать оружие из небогатого, но серьезного арсенала. Я обошел командира и заглянул внутрь шкафа: там еще полно всякого добра, жаль, не для меня.

Странно это все: беспилотники и на саму Скалу садились не раз — камень он и есть камень. А с людьми вот какая чепуха вышла. И хOVER-то где?

— Шевелись, ждать не буду!

А я что? Я уже в грузовом отсеке. Отсюда и обзор отличный, и ветром не сносит. А на сиденье у меня глаза слезятся. Не барское это дело — летать.

В скафандре Бурков был похож на киногероя. Еще и крашер с плеча свисает на ремне — красиво! Броня, ствол, мужественное лицо, затененное стеклом шлема. Минимум рекламы — и можно сделать героем всех восьми обитаемых планет. Да девяти уже, если Слюну считать.

— Залезай, не тормози!

Я протиснулся глубже в грузовой отсек, прильнул к стеклу. Крышка люка над головой зашипела, закрылась. Противный звук, но уж получше общей тревоги.

Полчаса делать было решительно нечего. Я дремал, поглядывая на бесконечные белые разводы болот на фоне рыжеватого камня. Ни души. Краем сознания слушал активные переговоры кэпа со Степанычем, доклады искинов беспилотников — ага, Бурков прихватил с собой весь рой, расположив его выше нас и по бокам. Где-то сзади летели даже четыре строительных робота в боевой трансформации. Серьезная штука, если уметь пользоваться. Капитан умел.

По меркам эдак двадцатого века наша тесная компания могла бы разнести танковую армию, например. И даже не вспотеть. Роботы вообще редко потеют. Кэпа оберегает скафандр, а я... Ну да мне тоже вполне нормально.

— Верхний эшелон — контроль пространства, левое крыло окружает Скалу по периметру, правое — охрана хOVERа. Степаныч, расставь сам.

Два километра еще. Я лениво выглянул в остекление. Да, засуетились треугольники, оцепили нас снизу. Теперь к танковой армии можно добавить и столичную систему ПВО из той же седой старины, мы

бы прорвались. Только вот нет здесь никого, мы — и Скала впереди. Здоровенная она вблизи.

Прикрыл глаза, глянул через нейросеть на всю нашу суету. Доступ только на просмотр — неуверенный я пользователь. Но увиденное впечатляло, конечно. Грани Скалы облепили цепочки вырвавшихся вперед беспилотников, с четырех сторон сверху все это контролировали лазерные пушки строительных роботов. Лепота и победа человеческого разума. Где только Вольски с Эльзой?

— Расстояние до цели семьсот тридцать метров. Семьсот. Шестьсот двадцать.

По ощущениям — а на что еще полагаться? — нам сзади вlepили отменного пинка. ХOVER закрутило огромной бабочкой, выключилась вся электроника. На общем канале связи, забывая все, противно заскрежетало. Меня бросало по отсеку, вертело, удаляя то о стекло, то о пол, почти размазало.

— ...ныч! Сроч...

Скрежет забил все. Сомневаюсь, что искин ко-рабля хоть что-то услышал. Я вцепился в тканевую обивку отсека, но это мало помогло: оторвало и снова швырнуло вперед, в стекло, где вместо безумного калейдоскопа резко нарастало черное.

Скала? Скала... Сейчас нас разнесет на много маленьких космонавтов.

Кажется, ударили лучи лазеров, скрещиваясь перед нами на черной вязкой поверхности Скалы. Роботы трудились по какой-то своей программе, где важнейшим стало не исследование и анализ, а спасение экипажа. Пирамида втянула излучение, впитала его, оставшись невредимой. А потом раздался хлопок, запахло чем-то горелым в неестественной смеси с тонким цветочным ароматом. Нас внесло куда-то и выкинуло на прохладный пол, как нерадивая хозяйка выплескивает воду, не заботясь о брызгах.

ХOVER исчез, словно растворился на этой стадии перехода. Бурков лежал лицом вниз, совершенно голый. И где теперь его высшая защита и надежный крашер на ремне? Эхе-хе.

Я неуверенно встал, осматриваясь. Тусклый, неведомо откуда идущий свет. Помещение повторяло контуры самой Скалы, но в гораздо меньшем масштабе. В сходящихся далеко вверху гранях, словно в янтаре, виднелись две фигуры. Тоже голышом, не западня, а нудистский пляж какой-то... У Эльзы глаза были открыты, рот искривлен в безмолвном крике, а штурман выглядел необычно спокойным, его лицо без признаков привычного веселья напоминало по-смертную маску.

Капитана вдруг подбросило, окутало облачком искр и поволокло к свободной стене, легко разворачивая в воздухе ногами вниз. Потом впечатало, с легким причмокиванием всосало внутрь. Но несмотря на то что тело полностью погрузилось в камень, Буркова было прекрасно видно. До мельчайших деталей.

«Несовершенная форма жизни, — сказал кто-то, медленно, будто подбирая даже не слова — каждый звук. — Снова не то».

Я попытался открыть канал связи. Потом карту. Затем хоть что-то из функций нейросети. Бесполезно. Такое ощущение, что всю кучу вживленных в кровь наноботов вымыло этим переходом внутрь Скалы. И остался я один, голый и босой, против злого неземного разума. Утешало только, что не впечатанным в грань пирамиды. Пока что.

«Почему ты молчишь, Герман... Сергеевич?»

Вот убейте меня, голос был неживой. Искусственный. И, в отличие от Степаныча, никаких эмоций даже имитировать не пытался. Я откашлялся. Так себе прозвучало, несолидно, но уж как вышло:

— А что я должен сказать?

Произношение у меня было не очень. Несмотря на перестроенную до рождения гортань (да и много чего еще), долгие тренировки и острую необходимость, говорить я так и не полюбил.

К запахам горелого и цветов добавился едва уловимый аромат воды. Да-да, она пахнет даже чистая. Особенно чистая. Сдается, мне морочат голову. Или это такой эксперимент? Посмотрим.

«Кто ты такой? Ты не похож на эти низшие формы разума, у тебя сложная эмоциональная сфера. Из всех, кто попал в... Скалу за последние тысячу циклов, ты — наиболее интересный экземпляр».

— Гм. — А что еще сказать? Приятно, конечно.

«Когда мои создатели умирали, поручено было передать ключи от планеты наиболее подходящему пришельцу».

Очень интересно. Стало быть, я и...

— Они... члены экипажа мертвы?

«Нет. Глубокая заморозка, она обратима».

— А что там насчет ключей от Слюны?

Воцарилось молчание. Судя по всему, иноземный разум задумался. То ли сражался с ордой беспилотников снаружи, то ли просто решил помолчать. Главное, чтобы Степаныч не ударил орбитальными орудиями по пирамиде, нехорошо получится.

«Встань в центре зала», — наконец откликнулся голос. Впервые в нем прозвучали какие-то эмоции, но я не совсем уловил их смысл.

В центре так в центре, где наша не пропадала.

Стены исчезли. Я висел в пронизанном лучами пространстве. Я видел всю планету. Да что там! Я и был всей планетой. Теперь передо мной распахнулось такое знание, что жалкая нейросеть казалась детским рисунком на песке прямо перед тем, как неуверенные кривые линии слижет волна. Я знал, кто... Точнее, что со мной говорило. Знал, какая гигантская энергия была мне доступна. Я видел рой беспилотников, бессильно долбящих своим жалким оружием стены несокрушимой Скалы. Ощущал неживой разум корабельного искина. Мог создавать материи и осушать океаны. Эта чертова пирамида

сделала меня подобным Богу на Слюне. Я мог дать планете жизнь. И мог окончательно разрушить все, превратив в бушующий океан лавы...

А мне-то, если честно, хотелось есть. Так всегда бывает от стресса.

— Степаныч, доступ «Сверх-один». Перестань барабанить по Скале, мы скоро выйдем.

Понятия не имею, как я до него докричался без общего канала связи, но атака немедленно прекратилась.

— Разморозить экипаж. Они, конечно, низшая форма жизни, — я фыркнул, — но больше приспособлены для дела. Опять же, обеды у Эльзы — прелесть.

В полутьме помещения разлился чарующий аромат мяса. Да, вот так гораздо лучше.

— Передаю командование капитану, — сказал я, дождавшись, пока тела извлекут из стен и сложат рядком на полу. — Когда очухается. Это его дело разбираться с командным пунктом планеты, а не мое.

«Передача полномочий?» — уточнил голос.

Бурков пошевелился и застонал. Вольски приподнялся на одном локте, обвел пещеру мутным взглядом умирающего попугайчика и вновь рухнул на пол. Ничего, отойдет.

— Да.

«Принято».

Когда мы выбрались наружу, стемнело. Рой беспилотников уже садился на открытую теперь для всех площадку. Грани Скалы будто растворились в ночном воздухе. Экипаж немного смутился друг друга — все же голые. Но работал слаженно, отдавая указания Степанычу через голосовую связь севшего строительного робота. С инопланетным интеллектом же общался исключительно капитан.

— Герман Сергеевич, давай-ка обновим нейросеть! — наклонилась надо мной Эльза со шприцем в руке. — Иди ко мне, мой хороший!

Я мурлыкнул и с удовольствием потерся загривком о прохладную ногу. Котам всегда приятно внимание низших форм разума. Особенно когда впереди ужин.